

Отдых и одеяния

У Повелителя Демонов так и не прибавилось желанных мастеров, зато у Гвидо появился новый помощник. В эти дни поместье приняло очередного покойника, умевшего обращаться с книгами. Новичок самонадеянно объявил себя бродячим бардом, но Вирадуан с первого взгляда распознал истинную натуру этого повесы за его напускной беспечностью.

— Скорее всего, он из благородных, — учтиво заметил Вирадуан. — И хотя каждый прибывающий сюда, будь он при жизни нищим или баснословным богачом, получает лишь простую холщовую робу, я еще не настолько ослеп, чтобы не отличить господина от черни.

Подобное замечание прозвучало не слишком вежливо. По крайней мере, для Песфрие, который даже не успел толком начать свое представление.

— Позвольте! Как вы смеете предполагать...

— Что же, раз так — отправляйся в библиотеку, — отрезал Фарфаноэрс.

Он протянул руку, и магический контракт послушно опустился в его ладонь.

— Песфрие Сабан Хейнис...

— «Сабан» — это дворянская приставка, своего рода предлог, означающий «из», — неспешно вставил Гвидо, который за свою долгую жизнь навиделся всякого. — Стало быть, перед нами Песфрие из Хейниса. Ну и что же? Очередной бездельник, променявший право наследования на долю бродяги? Чей подол заставил тебя бежать из отчего дома? Или ты погнался за призрачной «свободой»?

Песфрие густо покраснел и попытался что-то возразить, но Гвидо не желал слушать оправданий. Земное осталось в прошлом; теперь важнее всего было то, что в библиотеке наконец-то навели порядок.

Гвидо, мечтавший поскорее перепоручить бумажные дела кому-то другому и заняться новыми проектами, так и сиял. Он уже вознамерился составить прошение об открытии алхимической лаборатории — ему не терпелось вновь коснуться привычных инструментов и трав.

Следом за Песфрие в очереди стояли мать и сын: женщина — глубокая старуха, сын — молодой и крепкий мужчина. Фарфаноэрс внимательно изучал их биографии, проступающие в контрактах. Оказалось, что молодость не всегда означает скудость жизненного пути — порой те, кто всю жизнь провел на одном месте, проигрывали в яркости впечатлений странникам, видевшим полмира.

«Я начинаю видеть всё больше подробностей», — подумал Фарфаноэрс.

Это не было ни добром, ни злом. Раньше ему не приходилось просматривать контракты ежедневно, так что в тщательном изучении не было вреда. Однако в последнее время поток прибывающих рос, и даже если лорд принимал всех без исключения, нужно было понимать, кого и куда пристроить. В конце концов, их отношения всё еще строились по старой схеме «господин и слуга», а вовсе не по принципу современного найма.

Завершив дела и убедившись, что свидетелей нет, Фарфаноэрс с наслаждением потянулся.

Погода сегодня выдалась неплохая — хотя в этом сером, подернутом дымкой мире один день едва ли отличался от другого. Когда осознаешь, что солнечный свет остался в безвозвратном прошлом, а сама жизнь — лишь далекая греза, сердце невольно сжимает тоска.

Некоторым счастливицам везло: они оказывались неподалеку от замка, и их быстро подбирали. Другим выпадала иная доля — они проходили через страдания, прежде чем их, рыдающих от облегчения, находили патрули. Но стоило им отведать кушаний, приготовленных Гусем-монстром и его помощниками, как горести превращались в полузабытую маску. Фарфаноэрс не переставал удивляться этому зрелищу: он часто стоял поодаль, молча наблюдая за тем, как люди едят и плачут одновременно.

Ансеринус XI, считая, что еда была слишком вкусной (что, честно говоря, было правдой), с еще большим рвением принялся за изучение рецептов. Сейчас при нем состояли двое учеников — Эйтель и Эйдан. В замке хватало женщин, умеющих готовить, да и пара мужчин нашлась бы, но только эти двое удостоились одобрения Гуся-монстра. Он был убежден в их природном таланте, хотя Эйтель вечно бродила среди клубов пара с видом сомнамбулы, а Эйдан был настолько робок, что даже огонь в очаге разводил с предельной осторожностью.

Фарфаноэрс, сам редко балующий себя нормальной едой, не возражал и легким росчерком пера утвердил их должности.

Неудивительно, что Адам втихомолку называл его «лордом-печатью».

— Разве лорд не должен проводить время на охоте или верхом на коне, наслаждаясь жизнью?
— вопрошал он как-то.

— Где ты здесь лошадь видел? — ворчала Хельзе.

— Какая охота? За кроликами в Мигрирующем лесу гоняться? — вторил ей Виладуан.

Адам открывал рот, собираясь возразить, но лишь обреченно его закрывал.

Сегодня был день генеральной уборки. После того как из залов вымели вековой хлам и мусор,

древний замок стал выглядеть строже, но вместе с тем — пустее. Поддерживать чистоту в таких масштабах было непростой задачей. Для некоторых слуг время, проведенное за чисткой котлов, становилось минутами покоя: можно было представить, что твоя душа — птица, улетающая далеко от мыльной пены в неведомые края. Люди вытряхивали пыль, вычищали золу из каминов и стирали одежду. По правилам, после обеда в день уборки полагался полувыходной, чтобы каждый мог заняться своими делами.

Поначалу Фарфаноэрс находил этот обычай весьма полезным — людям нужна была передышка. Он замечал, что женщины в свободное время любят собираться у очагов на кухне или в столовой за досужей болтовней, а мужчины предпочитают выставлять стулья в пустые стойла бывших конюшен и попивать какой-нибудь отвар, приготовленный Гусем-монстром. Теперь, когда припасов стало больше, Гусь-монстр охотно варил что-нибудь эдакое за пару слов похвалы. Однако, поскольку зерно всё еще оставалось в дефиците, лорд наотрез отказывался выдавать спиртное и даже велел запереть винные погреба.

Вскоре Фарфаноэрс почувствовал неладное. Если Гвидо тратил свободные часы на изучение книг, вечно занятой Виладуан отсыпался, а этот негодяй Адам искал способы поразвлечься... то что делали остальные? В этом скудном мире, лишенном солнца, уныние распространялось со скоростью пожара. Раздоры вспыхивали на пустом месте, а некоторые и вовсе втихомолку начали играть в азартные игры, за чем их не раз ловил Виладуан. В небольших ставках не было беды, но многие уже начали проявлять опасную одержимость.

— Вино бы всё исправило, — предложил Адам.

— Спи побольше, в снах у тебя будет хоть целое море вина, — холодно отрезал Фарфаноэрс.

Лорд решил посоветоваться с Хельзе. Черноволосая женщина как раз сидела за прялкой; она порывалась встать, завидев господина, но тот остановил ее жестом:

— Продолжай. У меня вопрос.

— Вы о развлечениях? — спросила она. Теперь Хельзе уже не так робела перед ним.

— Не только о них. О любом досуге. Чем ты занималась при жизни, кроме разговоров, выпивки и азартных игр?

— Ходила к реке... Иногда на ярмарку. Мы с подругами гадали на травах... — Хельзе принялась загибать пальцы. — В храм ходили. Праздники праздновали. Мужчины, те больше любили охоту или смотреть, как медведи травят друг друга.

Для современного человека, привыкшего к бесконечным развлечениям, всё это звучало невообразимо скучно. Фарфаноэрс перевел взгляд на полотно в ее руках. Сейчас не было ни хороших материалов, ни продвинутых технологий, но женщины иногда кроили старые ткани или пряли уцелевшую шерсть, которой в замке нашлось немало. С его позволения Хельзе

продолжала свою работу. Деревянный станок поскрипывал, и в какой-то момент Фарфаноэрсу показалось, что вращается не колесо прялки, а его собственные мысли.

— Вот оно что... — прошептал он, внезапно прозрев.

Лорд спрыгнул со стула и стремительно вышел, оставив Хельзе в полном недоумении.

«В этом всё и дело», — думал Фарфаноэрс. Он по привычке ставил знак равенства между «выходным» и «отдыхом», опираясь на свой опыт городского жителя с его избытком впечатлений. Кое-кто мог бы возразить, что жизнь древних и так состояла из сплошного изнурительного труда, но здесь ситуация была иной.

— Мне нужны праздники, — заявил он. — Нужны дни, когда люди смогут выплеснуть свои чувства. Нельзя жить в вечной серости.

— Я... я понимаю ваш порыв... — отозвался Вирадуан.

Он прижал ладонь ко лбу, изо всех сил сдерживая желание закричать. Это было бы крайне непочтительно.

— Господин, — с трудом проговорил он. — Если у вас возникло дело, вы вполне могли бы воспользоваться колокольчиком. И войти через дверь.

Сейчас Вирадуан сидел на кровати в одной рубашке. К счастью, он проснулся до того, как Фарфаноэрс ввалился в окно, и еще большим счастьем было то, что он привык спать одетым. Иначе неловкости было бы не избежать.

— На досуге набросай мне список подходящих дат, — буркнул Фарфаноэрс.

Он вовсе не собирался извиняться — Повелителя Демонов не заботили такие мелочи. Он просто не подумал... вернее, сперва он хотел лишь постучать, но створка распахнулась от первого же толчка.

Лорд закрыл окно и удалился с таким видом, будто ничего необычного не произошло.

Несмотря на планы по учреждению праздников, традиция полувыходного после уборки сохранилась. Только теперь первая половина дня посвящалась чистоте помещений, а вторая — чистоте собственной. Фарфаноэрс осознал, что у многих здесь были весьма смутные представления о гигиене, во многом из-за того, что после наступления темноты выходить на улицу было опасно, а в общих спальнях места для мытья не хватало.

— Надеюсь, никто не станет нести чушь о том, что от мытья можно заболеть. И предупреждаю:

если поймаю кого-то за подглядыванием в женской купальне — лично подвешу у ворот на целый день для острастки.

— Вряд ли до этого дойдет. Даже в самых глухих деревнях были общественные бани, — ответила Хельзе.

Заметив озадаченный взгляд лорда, она застенчиво улыбнулась:

— Не сочтете ли за труд спуститься со мной на минуту?

Когда его привели в ткацкую мастерскую, Фарфаноэрс наконец понял, на что Хельзе тратила всё свободное время. Его тут же окружили женщины, принявшись прикладывать отрезки ткани, что-то мерить и кроить.

Предыдущие наряды они шили ему «на глазок», и теперь впервые взялись за дело всерьез.

— Хозяину больше пойдет белое...

— Нет, синее! Лазурное одеяние будет смотреться ярче.

— Глупости. Нужно пурпурное. Пурпур — цвет благородства.

— Тише, тише вы! Не орите!

К ним подошла суровая женщина с длинными волосами. Фарфаноэрс помнил ее имя — Гитна, бывшая придворная дама. Она почтительно поклонилась и принялась внимательно его рассматривать.

— Есть ли у вас предпочтения в узорах? Символах?

Фарфаноэрс рассудил, что отвечать «всё равно» сейчас не стоит. Он на мгновение задумался.

— Скорпион.

— Скорпион... Что же, логично. Вы ведь демон, — кивнула она. — Я запомнила. А какой фасон вам по душе?

— Можно... кхм, я хотел сказать — попроще. И плетение пусть будет скромным.

Как известно, люди часто склонны к излишествам, но сам Фарфаноэрс предпочитал

умеренность. Он подозревал, что и в прежней жизни был таким же. Малахитовый демон искоса взглянул на груды тканей — они были расшиты так густо, словно портнихи считали преступлением оставить хоть один свободный дюйм. Увидев это, он твердо повторил:

— Главное — простота.

— Простой рисунок... Что ж, в этом есть свой шарм, — задумчиво произнесла Гитна. — Но тогда понадобятся украшения. Жаль, здешние камни лишены истинного сияния и больше похожи на подделки, но за неимением лучшего... Придется добавить самоцветов.

У Фарфаноэrsa возникло нехорошее предчувствие.

Он замер с каменным лицом, гадая: не поздно ли еще позвать Виладуана на выручку?

<http://bllate.org/book/16116/1584661>